

НАШ СОВРЕМЕННОК

● СВОИМИ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬ ВОСПИТЫВАЛ ХОЗЯИНА СТРАНЫ

Юний ГОРБУНОВ,
*вице-президент
Содружества
павленковских
библиотек,
г. Екатеринбург*

Кто начинал наше движение в 1990-е гг., помнит, чем и кем был для нас тогда Флорентий Фёдорович Павленков. А был он прежде всего исторической личностью, вернувшейся к нам через столетие совсем из другой эпохи. Но этот странный миллионер имел прямое отношение к каждой из библиотек, названных его именем. Санкт-Петербург... Малая Итальянская улица... Успешный столичный предприниматель... И вдруг уральская глубинка и деревушка в ней. И библиотека в этой деревушке... О которой, оказывается, безо всякой корысти заботился столичный издатель, книги для неё печатал!

Словом, каждой такой сельской библиотеке хотелось приобщиться к этой личности. Тем более что тогдашние наши власти сверху донизу вообще забыли, что такое библиотека и для чего существует книга. Сколько раз мне эти власти говорили в то время: «А зачем вам и нам эти хлопоты с книгами? Нажмите клавишу в Интернете — там всё есть. Даже больше».

В такой обстановке на Павленкова хотелось опереться как на друга, раз близко таковых не было, ему поверить, его поближе узнать. Движение Павленковских библиотек было такой вот настоящей необходимостью.

Потом эта тоненькая историческая ниточка потянула за собой желание узнать свою историю. Мы в архивы потянулись, старожилами стали интересоваться, пожелтевшие фотографии расправлять на столе... От библиотеки интерес к истории перешёл на деревню, село... В те годы разгула «демократии», распада экономики и нравственности мы старались сохранить память о прошлом, о своей малой родине. В журнале «Уральский следопыт» живёт, правда не очень бодро, рубрика «Павленковский ресурс». В ней участвуют сельские библиотекари, краеведы, читатели, «разбуженные» Павленковым.

Но и времена ведь менялись. Библиотеки выстояли. В том числе и Павленковские. Так или иначе, они живут, подчас трудно, бесхлебно, но живут! Общество стало понимать, что и Интернет хорош как инструмент общения, получения мгновенной информации, разброса мнений, доступности прежде недоступного. Нам от него никуда не деться, надо брать от него лучшее, полезное. Сделать его другом, а не врагом. Я бы сказал так: Интернет, как в своё время и книга, послан нам не от дьявола — от Бога, но послан как искус, как проверка: смогут ли люди мудро и с пользой для себя воспользоваться этим подарком.

Не так, кстати, как они воспользовались, например, умением расщеплять ядро атома (Хиросима). Но без многими веками освящённой книги, этого храма духовности, в общении с которым человек познает себя, учится мыслить, сопереживать и соучаствовать, без этого храма он поти-

хоньку, почти незаметно превращается в манкурта. Бездуховность куда страшнее Хиросимы!

И вот в этой изменившейся обстановке надо осознать, что такое для нас и для наших библиотек Флорентий Фёдорович Павленков, чей 175-летний юбилей мы благодарно отмечаем. Не стал ли он потихоньку этаким анахронизмом? Ну, Павленков и Павленков. И другие были благотворители на Руси. Он сделал своё доброе дело для библиотек, и пусть его портрет заслуженно висит на стене. Молодёжи, так той сегодня и вообще не до этих исторических персонажей.

Давайте, однако, задумаемся над вопросом, который я сейчас попытаюсь сформулировать. Какая такая настоятельная потребность заставила наше общество в тех же 1990-х гг. переиздавать буквально миллионными тиражами биографии павленковской серии «Жизнь замечательных людей»? Всю биографическую библиотеку целиком (три центральных издательства) и по отдельности (всех не перечислить).

Переиздавать как откровение, как новое слово в биографическом жанре. И, осознав эту новизну, написать на фронтисписе книжек знаменитой горьковской ЖЗЛ: «Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М. Горьким». (Печально, конечно, что для понимания этого потребовалось едва ли не полвека!) Наконец на этот культурно-исторический олимп поместили и самого Павленкова, издав в серии ЖЗЛ его биографию. Может быть, мы вспомним из области издательского дела такой прецедент? Переиздавали ведь не просто книги, а совершенно новый и для царской, и для советской России свод биографий, целиком инициированный и осуществлённый Павленковым.

Вот так пространно я сформулировал вопрос: какая потребность

заставила? Теперь попытаюсь на него ответить. Дело, оказывается, не только в павленковской серии ЖЗЛ. Все 35 лет своей активной издательской работы Павленков настойчиво и каждой своей книгой предлагал России *третий путь*. Поэтому его не держали за своего ни красные, ни белые. Красные воротили нос от его авторов-монархистов, а В.И. Ленин так тот прямо заявлял, что вместо сельских библиотек Павленкову полезнее было бы отдать свои деньги на революцию. А белым претили у Павленкова книги Энгельса, Герцена, Писарева и ещё многих других. Словом, каждая его книга если не от цензуры страдала, то от неприязненной «партийной» критики.

Но Павленков никогда не изменял своему приципу. Для его издательской работы не было понятий «класс», «партия». И в его биографической библиотеке, и в его научно-популярных сериях авторствовали люди подчас противоположных убеждений, но они были едины в просветительском стремлении. Павленков своими книгами не навязывал читателю убеждений и взглядов, а стремился к тому, чтобы именно его книги помогали человеку выработать эти взгляды самостоятельно.

Если бы мы сегодня не разучились вдумчиво читать и брали иногда в руки книги Павленкова в оригиналах или, скажем, оцифрованные Кировской ГУОНБ имени А.И. Герцена, мы убедились бы, что только на рубеже XX и XXI в. к нам пришло наконец осознание того, что убеждения не навязываются под дулом пистолета, а вырабатываются самостоятельно. А Павленков этому учил с середины XIX в. И до последнего вздоха!

Он был не только издателем — каждая его серия и книга выдают в нём мыслителя с острым социальным чутьём, намного опережающим своё красно-белое вре-

мя. Но он, увы, не оставил нам своей публицистики, даже мемуаров. Богатая мыслительная потенция Павленкова отражена исключительно в его книгоиздательской практике, в деятельности его издательской «артели». Он мыслил делом.

В Государственном архиве Кировской области мне в свое время удалось найти всего лишь черновик пояснительной записки Павленкова, адресованной начальнику столичного Главного управления по делам печати, на предмет разрешения издавать газету «Родное слово». Газета на свет не появилась. Мне даже не ведомо, существовал ли чистовик этой записки и был ли он послан по адресу. Но значимость этого черновика оказалась велика — именно в силу того, что он содержал некоторые теоретические выкладки Павленкова на социальную тему, коими так бедно павленковское литературное наследие.

Процитирую из него несколько предложений: *«В переживаемое нами время охранительная сила общества... мало-помалу сосредотачивается и комплектуется в среднем классе, который, в свою очередь, дробится на множество мелких подразделений. По самому своему происхождению класс этот должен представлять собой наиболее прочный оплот всякого благоустроенного государства, а потому на него-то именно и следует обращать особое внимание, как со стороны администрации, так и со стороны печати».*

Павленков и сам каждой своей книгой и предполагаемой газетой стремился к тому, чтобы эта середина общества была «умственно и нравственно сконструирована» (цитирую тот же черновик записки).

Согласимся, что он сильно лукавил, выдавая желаемое за дей-

ствительное. Разве до среднего класса было в его красно-белое время?! Павленков смотрел уже в наши с вами дни! И смотрел куда глубже, куда пристальнее, чем теперь смотрим мы сами. Сегодняшняя власть на словах носится со средним классом как с писаной торбой, а как дойдёт до дела, где можно ставит ему палки в колеса.

А чтобы делом, по-павленковски провозгласить, что это действительно главный оплот государства, — до этой истины нам с вами, похоже, не дожить. Во всяком случае, в годы недавней «реформы» мы предпочли получить по лбу черенком тех же старых граблей — видно, слабую отметину те грабли оставили. Вместо того чтобы дать социальный шанс талантливой, трудолюбивой и совестливой серединной части общества, которую и имел в виду Павленков, мы за всякой государственной надобностью бежим на поклон к мультимиллионеру, который, сидя на шее народа, вершит по-своему политику государства и внутри, и снаружи.

Мы не знаем точно, как же трактовал Павленков этот свой «средний класс». Разумеется, это был никакой не класс и тем более не ублюдочная марксистско-ленинская прослойка между классами. Иначе Флорентий Фёдорович не сказал бы, что этот его класс «дробится на множество мелких подразделений». Но нам надо научиться и привыкнуть читать не по словам, а по делам Павленкова. В частности, по делам его собственной издательской «артели».

Говоря в официальной записке о классе, он, как мы уже знаем, в своей издательской практике ни во что не ставил пресловутое деление общества на классы. И собираясь издавать газету, и наполняя книгами библиотеку своих изданий, Павленков прямым делом формировал не класс, а серединную часть общества, стоящую

между эксплуататором и эксплуатируемым и призванную им, издателем Павленковым, стать оплотом «всякого благоустроенного государства».

Внимательно исследуя павленковскую практику, мы можем достаточно точно определить те принципы, коими, по его мнению и по его делам, обладает субъект его серединной части общества. Их в основном три, этих принципа.

Первый — *самостоятельность*. Представитель серединной части общества должен быть самостоятелен в выработке убеждений, в выборе профессии и главного дела жизни. И Павленков утверждает это своей собственной биографией, своей работой. Получив самое высшее в тогдашней России военное образование, он не пошёл по, казалось бы, проторённому пути службы в царской армии, а выбрал издательскую стезю. И не по дешёвке и удобному случаю купил свое издательство, как многие нынешние «успешные» люди, а начал его с тысячи рублей, занятых у родного брата. Он в своём издательском деле следовал не партийным, классовым или корпоративным наставлениям, а только своей совести и своим убеждениям.

В процессе работы и в пору классовых битв и противостояний он, едва ли не единственный в России, формировал внеклассовую всесловную трудовую артель. Будучи в восьмилетнем вятском изгнании, Флорентий Фёдорович официально обращался к местному дворянскому собранию, пытаясь привлечь его к задуманному им благому делу организации школ, а в одной из статей своей «Вятской незабудки» он опубликовал похвальное слово местному толстосуму, который практически озаботился финансированием добрых земских начинаний. Да ведь и сам Павленков происходил из высшего дворян-

ского слоя общества, правда, служилого, а не столбового. Словом, никаких следов классового расщепления и предпочтения ни в авторском составе, ни в книжной тематике мы у него не найдем, даже вооружившись лупой. А примеров безусловной самостоятельности Павленкова я мог бы привести ещё очень много.

Должен заметить, что подчас проявить самостоятельность самому все-таки бывает легче, чем позволить такую же роскошь другому. Мне вспоминается эпизод, связанный у Павленкова с М.А. Протопоповым — критиком, автором биографии Виссариона Белинского в павленковской серии ЖЗЛ. В нескольких письмах издатель терпеливо советовал ему убрать полемические места, которые неуместны в «микроскопической» монографии. Михаил Александрович не соглашался. И Павленков оставил эти авторские строки. *«Вы увидите из книжки, — написал он, — что Ваша полемика мною не тронута»*. Много позднее Протопопов на полях одного из писем Павленкова сознался: *«Спасибо, Флорентий Фёдорович, Ваши советы были умны и доброжелательны. Раньше я не мог этого оценить, а теперь меня поставили в оглобли»*. Это уже не просто личная черта павленковской природы, это стиль его работы, его школа. Он и «артельщиков» своих учил самостоятельности.

Учит и в наше время. Как всегда, обретаясь без руководящего и организующего начала, нынешняя самостоятельность, как и свобода, бывает, перехлёстывает у нас через край. Но хотя бы хорошо, что дорастаем до Павленкова!

Может быть, немного не впопад хочу привести случай. Зашёл как-то к одному знакомому издателю. Хороший человек, выпускает нужные и интересные книги по истории и краеведению, богато иллюстрированные, с хорошо выверен-

ным текстом. Правда, мало-тиражные — 200–500 экземпляров максимум. Зашёл. Вижу — высится готовая к отправке стопа картонных коробок с книгами. «Что это?» — спрашиваю. — «А, — махнул он рукой. — Макулатура. Вирши одной сибирской “поэтессы”. Что видит или слышит, то и рифмует с горем пополам. Я уже который раз по тысяче экземпляров издаю. Если человеку деньги некуда девать». — «И что она с этим тиражом делает?» — «Как что? Возит по сибирским весям, дарит читателям, организует литературные вечера. Начальство охотно ставит галочку в плане культурных мероприятий».

А я вот думаю: пытался ли кто-нибудь сопоставить возможное зло от деяний, сотворённых по принципу «деньги некуда девать», с той безусловной пользой, которую приносят пригоршни добра, выкроенные от этих денег? В результате куда мы с вами идём — назад или вперед? Вот это издержки нашей постсоветской самостоятельности и свободы.

Второй павленковский принцип. Всей своей жизнью и работой Павленков учит самостоятельного человека социальной *середины* непременно быть *самодостаточным*. Уметь своим трудом, своей энергией и талантом содержать себя, свою семью (об инвалидах, ветеранах, больных и немощных в благоустроенном государстве обязано в известной степени заботиться и государство), а также всех, кто связан с ним трудовым обязательством.

Если представить школьный урок, то сразу поднялось бы несколько рук и мне бы сказали: да ему, убеждённому холостяку, некого было содержать. Они правы, однако не совсем. Павленков с лихвой вернул долг брату и потом не раз участвовал в его нуждах; он помогал материально своей племяннице, актрисе оперы, даже по заветанию оставил ей круглую сум-

му. Это то, что мне известно только из документальных свидетельств. Но ведь дело-то не в одних семейных отношениях. Его семьёй была издательская артель.

«Артель» — неофициальное наименование. В деловых документах фигурировало частное издательское предприятие Павленкова. Но в устах нескольких мемуаристов звучит именно слово «артель», и говорится это ими не для красного словца. Можно составить целую документально-мемуарную коллекцию свидетельств именно артельных, почти семейных отношений Павленкова к своим сотоварищам по делу, соучастия в их творческой судьбе.

Вот один из таких примеров. У библиотекарей и книжников старшего поколения наверняка на слуху имя Валериана Викторовича Лункевича, замечательного популяризатора наук — социальных, биологических, — который многим привил любовь к природе, животному и растительному миру и оставил нам целую библиотеку своих научно-популярных книг.

Для литературы и науки его открыл Павленков, но книги Лункевича издавал не только он, но и многие другие издатели, в том числе и советские (Лункевич умер в начале Великой Отечественной от воспаления лёгких, простудившись на трамвайной остановке). Так вот, когда ему край как нужно было поехать за рубеж и поработать в европейских библиотеках, чтобы не отстать в науке, а средств не доставало, он предложил Павленкову купить у него одновременно уже изданную серию научно-популярных книжек.

Кто из издателей-современников не ухватился бы за это предложение? Они и сами всегда были готовы предложить популярному литератору такой выгодный для себя вариант: купи сразу, а потом переиздавай по любой цене и в свой карман. А Павленков сказал Лунке-

вичу, как всегда коротко, даже угрюмо: «Я вашу “библиотеку” не куплю — она всю жизнь будет вас кормить». Он просто дал тогда Лункевичу аванс за будущие книги. Так ведь и случилось: научно-популярная библиотека Лункевича долгое время была ему и его семье материальным подспорьем.

Другой пример. Одному из авторов и переводчиков павленковской артели, человеку вполне обеспеченному, плодовитому литератору Ростиславу Сементковскому, по какой-то причине пришлось отказаться от написания очередной биографии для ЖЗЛ. Придя на Малую Итальянскую в павленковскую кабинет-квартиру, он сообщил об этом издателю и выложил на стол полученный заранее аванс (аванс был в правилах Павленкова). Тот пришёл в искреннее изумление и долго не мог вымолвить ни слова. Оказывается, ни один из авторов-отказников, а их у Павленкова было немало, ни разу не удосужился вернуть издателю аванс. А он из скромности молчал. Потому что опять-таки это был не каприз характера, а стиль работы, *школа Павленкова*.

Был в этом ряду и вполне курьезный случай. Павленков издал собрание сочинений заурядного прозаика Игнатия Потапенко — это был единственный в его практике случай: с литературным вкусом у Павленкова было всё в порядке. Когда издателя удивлённо спрашивали, что за притча, он отвечал, что хотелось помочь бедному, всегда безденежному, но близкому ему писателю-труженику.

А вообще-то многие его артельщики могли бы сказать то, о чем написал в воспоминаниях беллетрист А.В. Круглов: «Купив мою книгу (имеется в виду рукопись. — Ю.Г.), он сказал:

— Я не очень скоро приступлю к её изданию. Если кто за это время вам даст больше, продавайте,

я не буду мешать. Я больше дать не могу, но вам деньги нужны, и вы не стесняйтесь.

Но разве кто-нибудь мог мне тогда дать больше Павленкова?»

И в другом месте воспоминающий: «Когда мне приходилось встречать со стороны других издателей понимание писательского положения и братское отношение, я невольно говорил: «Это по-павленковски!».

А если бы кто-то из издателей тогда или сегодня и дал бы больше Павленкова, и не купил бы выгодную книгу, и удивился бы по-павленковски возвращённому авансу, то издателя с такими принципами можно с полным основанием числить в составе золотой общественной середины. Кто бы ни был он по социальному статусу.

И наконец, третий принцип. Это краеугольный камень всякого дела — *совестливость*.

Обращусь снова к цитате из письма Павленкова вятского периода. Затеявая опять-таки массовую ежедневную газету «Копейка», он писал своему нижегородскому знакомому А.С. Гацисскому, что издавать газету совсем не трудно, нужно только смотреть на дело «как на общественную службу во имя нравственного долга и забыть о какой бы то ни было прибыли — иначе, выбросить всю «коммерцию» за окно...». В этих его словах нельзя всё принимать за чистую монету. Едва ли Павленков в труднейший для его издательской артели период не думал о прибыли — хотя бы для того, чтобы она, пусть и частично окупала бы расходы на следующее издание. Без прибыли никакое предприятие существовать не может.

Дело у Павленкова совсем в другом, и он это доказал на примере всей своей издательской практики: общественная польза твоего дела, твоих изданий, твоего продукта должна идти на полшага впереди прибыли. Боже упаси, чтобы

этот дворянин стал бы распространять тысячами тиражами макулатуру доморощенного рифмоплёта! Не приведи Господь, чтобы издательская марка его артели появилась на бульварной книжке, колоде игральные карт или лубочных картинок, как это было сплошь и рядом в его время и безоглядно бытует сейчас. Этот грех атеист Павленков ни разу не взял на свою душу. Он своими книгами воспитывал *хозяина страны*. Он насытил книжный рынок России учебниками и популярными изданиями буквально по всем отраслям знаний. Он тиражировал и делал доступным каждому лучшее из отечественной и зарубежной классики.

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить типичный для Павленкова факт, неприемлемый для прочих «коммерсантов» того же издательского цеха. Если изданная им книга быстро раскупалась, как было сплошь и рядом, Павленков делал второе её издание на порядок дешевле первого, делая как раз те самые полшага навстречу общественной пользе.

Именно на этих «совестливых» книгах и принципах он и заработал для себя и своей артели миллионный капитал, большую часть которого употребил по завещанию на открытие в русской провинции двух тысяч бесплатных народных библиотек. Именно «бессовестную», ныне, увы, торжествующую, «коммерцию» советовал он выбросить за окно. Он практическим делом воспитывал, возвращивал, формировал тот срединный слой российского общества, стоящий между люмпеном и крезом, который и по сей день ещё держит на плаву нашу с вами экономику, нашу культуру и нашу нравственность.

Павленков — не исторический анахронизм. Он и сегодня рядом с нами. Он стоит за спиной каждого из нас, и нам никуда не деться от его пытливого, взыскующего взгляда.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
КАЛЕНДАРЬ-ЖУРНАЛ
«ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ
ДАТЫ-2015». С. 25

3 апреля
95 лет со дня рождения

**ЮРИЙ
МАРКОВИЧ
НАГИБИН
1920–1994**

Писатель

**Далёкое
и близкое**

Родился в Москве. В 1938 поступил в Первый московский медицинский институт, но вскоре перевёлся во ВГИК. Литературную деятельность начал в 1940. Дебют молодого писателя поддержали Ю. Олеши (1899–1960) и В. Катаев (1897–1986). В 1941 ушёл на фронт. После тяжёлой контузии до конца войны служил военным корреспондентом газеты «Труд». В 1943 опубликовал первый сборник рассказов «Человек с фронта». За ним последовали книги рассказов и повестей «Большое сердце» (1944), «Зимний дуб» (1955), «Перед праздником» (1960), «Далёкое и близкое» (1965), «Не дай ему погибнуть» (1968), «Чужое сердце» (1969), «Остров любви» (1977), «Встань и иди» (1987).

В рассказах и повестях Нагибина — картины войны и труда, воспоминания детства и зарубежные встречи, судьбы современников, людей русского искусства. Произведения его отмечены драматичностью конфликтов, лирическим мировосприятием, точностью деталей. По многим из них поставлены фильмы, самые известные из которых — «Председатель» (1965) с М. Ульяновым в главной роли, снятый по повести «Страницы жизни Трубникова» (1963), и «Поздняя встреча» (1979) с А. Баталовым (по мотивам повести «Срочно требуются седые человеческие волосы», 1968). Одной из последних работ писателя стал документальный фильм «Белая сирень» (1994), посвящённый творчеству великого русского композитора С.В. Рахманинова (1873–1943). После смерти Нагибина опубликован его дневник, содержащий резкие оценки ряда литераторов-современников.